

АРКАДИЙ ГАЙДАР

РЕВВОЕНСОВЕТ

Аркадий Гайдар

Реввоенсовет

«Public Domain»

1926

Гайдар А. П.

Реввоенсовет / А. П. Гайдар — «Public Domain», 1926

Ранний вариант Р.В.С., предназначенный для взрослого читателя.

Содержание

I	5
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Аркадий Петрович Гайдар

Реввоенсовет

I

Кругом было тихо и пусто. Раньше иногда здесь подымался дымок, когда к празднику мужики варили тайком самогонку, но теперь мужики уже перестали прятаться и производство самогонки перенесли прямо в деревню. Раньше сюда забегали ребятишки затем, чтобы побегать, погоняться друг за другом, попрятаться в изломах осевших, полуразрушенных кирпичных сараев.

Здесь было хорошо. Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда для чего-то сено и солому. Но немцев скоро прогнали красные, красных – гайдамаки, гайдамаков – петлюровцы, петлюровцев – еще кто-то, и осталось сено, наваленное огромными почерневшими копнами.

Но с тех пор, как атаман Криволоб, тот самый, у которого желто-голубая лента тянулась через папаху, расстрелял здесь четверых москалей и одного еврея, пропала почему-то у ребятишек всякая охота лазить и прятаться посреди заманчивых лабиринтов, и остались одинокими полусгнившие сараи – черные, пустые пятна.

Только Димка до сих пор еще забегал сюда часто, потому что здесь как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь, да спокойно жужжали мохнатые шмели по ярко-красным головкам широко раскинувшихся лопухов.

А убитые? Так их ведь давно уже и нет – мужики свалили их в общую яму и забросали землей. А старый нищий Авдей, тот самый, которого боялся Топ и прочие маленькие ребятишки, смастерил из двух палок прочный крест и поставил его тихонько над их могилой. Никто не видел, а Димка видел. Видел, но не сказал никому, потому что об этом попросил его старик.

– Не говори только, милай... сердать будут, а как же без креста?.. Как скотина... нехорошо... тоже люди были, милай...

Димка не сказал, но удивился: во-первых, если хорошие люди, то зачем же их убили, а во-вторых, он сам слышал, как Никифор-староста говорил:

– Туда им, собакам, и дорога...

– По злобе, милай... по злобе, – прощамкал, одевая сумку, старик. – А Никифор, сынок, так и должен был сказать... так и должен... Потому мужик он обстоятельный...

И ушел Авдей. А Димка долго думал и никак не мог понять, за что «по злобе» и почему «обстоятельный» Никифор должен был называть убитых собаками, а побирушка-старик – хорошими людьми?

И не понял все-таки Димка, как это убитые одни, а правды над ними две?

* * *

В укромном углу Димка остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он порылся в соломе и извлек оттуда две обоймы патронов, шомпол и заржавленный австрийский штык без ножен.

Сначала Димка изображал разведчика, то есть ползал на коленях, а в критические минуты, когда имел основание предполагать, что неприятель близок, ложился на живот и продвигался с величайшей осторожностью, высматривая подробно расположение противника. По счастливой случайности или еще почему-либо, но только сегодня ему всегда отчаянно везло, он ухитрялся безнаказанно подползать вплотную к воображаемым вражьиим постам и, пресле-

дурный градом выстрелов из ружей и пулеметов, а иногда даже залпами батарей, возвращался в свой стан невредимым.

Потом, сообразуясь с результатами разведки, высылал в дело конницу и с визгом врвался в самую гущу репейников и чертополоха, которые геройски умирали, но даже под столь бурным натиском не обращались в бегство.

Димка ценит мужество, когда бы оно ни проявлялось, потому он забирает остатки в плен...

Подавши команду «строиться» и «стоять смирно», он обращается к захваченным с гневной речью:

– А, каиновы дети, продажные души! Против кого идете? Против своего брата рабочего и крестьянина... Генералы вам нужны да адмиралы!..

Или:

– Коммунию захотели, стервецы, свободы вам нужно, против законной власти хотите...

Это в зависимости от того, представителя какой армии изображал он в данном случае, так как для разнообразия командовал то одной, то другой по очереди...

Дальше здравый смысл и обычай тогдашней войны предписывали лучше одеть своих солдат за счет военнопленных, а потому Димка, условно обозначивший массу войск, облачался в широкие листья лопухов и победоносно шествовал домой.

Он так заигрался сегодня, что спохватился только тогда, когда зазвякали колокольчики возвращающегося стада.

«Елки-палки! – подумал огорошенный Димка. – Вот теперь мать задаст трепку... а то, пожалуй, еще и жрать не даст».

И, спрятав свое оружие, он стремительно и вприпрыжку пустился домой, раздумывая на бегу: «Что бы это такое получше соврать матери?»

Но, к величайшему своему удивлению, нагоняя он не получил и врать ему не пришлось.

Мать почти не обратила на него внимания, несмотря на то, что Димка чуть не столкнулся с ней у крыльца во дворе. Бабка звенела ключами, вынимая зачем-то старый пиджак и штаны из чулана, а Топ старательно копал щепкой ямку в куче глины.

Кто-то тихонько дернул сзади Димку за штанину.

Он обернулся – и увидел печально посматривающего мохнатого Шмеля.

– Ты что, дурак? – ласково спросил Димка и увидел вдруг, что у Шмеля здорово чем-то рассечена верхняя губа...

– Мам... Кто это? – вспыхнув, спросил Димка.

– Ах, отстань! – досадливо ответила та, отвертываясь. – Что я, присматривалась, что ли?

Но по тому, как мать быстро поняла, о чем он спрашивает, Димка почувствовал, что она говорила неправду.

– Это дядя сапогом дернул, – пояснил, оторвавшись, Топ.

– Какой еще дядя?

– Дядя, серый... он у нас в хате сидит.

– Чтобы он сдох, – с сердцем проговорил Димка, отворив дверь в избу.

На кровати валялся здоровенный детина. Рядом на лавке лежала казенная серая шинель.

– Головень! – присмотревшись, удивленно воскликнул Димка. – Ты откуда?

– Оттуда, – последовал короткий ответ.

– А ты зачем Шмеля ударил?

– Какого еще Шмеля?

– Собаку мою...

– Пусть не гавкает... А то я ей и вовсе башку сверну.

– Чтоб тебе самому кто-нибудь свернул! – сердито ответил Димка и шмыгнул поспешно за печку, потому что рука Головня потянулась к валявшемуся тяжелому сапогу.

* * *

Димка никак не мог понять, откуда взялся Головень. Совсем еще недавно забрали его красные в солдаты, а теперь он уже опять дома. Не может быть, чтобы служба у них была такая короткая.

За ужином он не вытерпел и спросил:

– Ты в отпуск приехал?

– В отпуск.

– Вот что! – отметил удовлетворенно Димка. – Надолго?

– Надолго.

– Ты врешь, Головень! – убежденно возразил Димка. – Ни у красных, ни у белых, ни у зеленых надолго сейчас не отпускают, потому что война. Ты дезертир, наверно?..

В следующую же секунду Димка получил здоровый удар по шее, так что едва не ткнулся головой о стол.

– Зачем ребенка бьешь? – вспыхнула на Головня Димкина мать. – Нашел с кем связываться.

Головень покраснел, его большая круглая голова с оттопыренными ушами, за которую он и получил в деревне кличку, закачалась насмешливо, и он ответил грубо:

– Помалкивайте-ка лучше... питерское отродье. Дождетесь вы, что я вас назад повьгоню...

Мать как-то сразу съежилась, осела и выругала глотающего слезы Димку:

– А ты не суйся, идол, куда не надо... а то еще и не так попадет...

После ужина Димка забился к себе в темные сени и улегся на груди сена за ящиком, укрывшись материнной поддевкой. Он долго лежал, не засыпая.

Потом к нему пробрался Шмель и, положив голову на плечо возле шеи, взвизгнул тихонько...

– Что, брат, досталось сегодня, – проговорил сочувственно Димка, – не любит нас с тобой никто... Ни Димку, ни Шмельку... Да... – И он вздохнул огорченно.

Уже совсем засыпая, он почувствовал, как кто-то подошел к его постели.

– Димушка, ты не спишь?

– Нет еще, мам...

Мать помолчала немного, потом проговорила уже значительно мягче, чем днем:

– И чего ты суешься куда не надо? Знаешь ведь, какой он аспид... Все сегодня выгнать грозился.

– Уедем, мам, в Питер, к батьке.

– Господи, да я бы хоть сейчас... Да разве проедешь теперь, сынок. Ведь вокруг вон что делается...

– В Питере, мам, какие?

– Кто их знает. Говорят, что красные. А может, и врут. Разве теперь разберешь...

Димка согласился, что разобрать действительно трудно, потому что уж на что волостное село близко, а и то не поймешь, чье оно теперь. Говорили, что Козолуп его на днях занимал, а что за Козолуп, и какого он был цвета, неизвестно – зеленый, должно быть.

И он спросил у задумавшейся матери:

– Мам, а Козолуп зеленый?

– А пропади они все вместе взятые! – с сердцем ответила та. – Вот еще послал господь наказание. То все были люди как люди, а теперь поди-ка.

И она спросила у Димки, только что вспомнив:

– Слушай-ка, ты богу-то перед сном молишься?..

– Молюсь, молюсь, – поторопился он, натягивая поддевку на голову, испугавшись, как бы мать не вздумала расспрашивать дальше.

Так оно и выходит.

– Ой, врешь, – недоверчиво говорит мать. – А ну-ка, прочитай «Ангелу хранителю»...

Димке хочется спать. Димка боится, как бы мать не узнала, что он опять спит со Шмелем, кроме того, он никак не может вспомнить первого слова.

И Димка отвечает сердито:

– Не буду, чего без толку-то...

– Как без толку, дурак?.. – вспыхнула озадаченная мать.

Но Димка и сам видит, что сболтнул лишнее, и отвечает искренне и плаксивым голосом:

– И что это, право... днем сама ругалась, бабка по башке стукнула, Головень по шеям...

Ляжешь спать, и тут никакого покоя.

В голосе его чувствуется неподдельная нотка обиды, и смущенная мать оставляет его одного...

В сенцах темно, сквозь распахнутую дверь виднеются густо пересыпанное звездами темное небо и краешек светлого месяца.

Димка зарывается глубже, приоткрываясь видеть продолжение интересного, недосмотренного вчера сна, и, засыпая, он чувствует, как приятно греет шею и дышит прикорнувший к нему верный Шмель.

* * *

Высоко в синем небе плывут облака, широко по полям играет желтыми хлебами теплый ветер. Лазурно спокоен летний день. Непокойны только люди. Где-то за темным лесом протрещали раскатистые пулеметы, где-то за краем горизонта перекликнулись глухо орудия, и куда-то промчался через деревеньку легкий кавалерийский отряд.

– Мам, с кем это?

– Отстань!

Отстал Димка, пробежал тихонько к поскотине, взобрался на одну из жердей невысокой изгороди и долго смотрел вслед исчезающим всадникам.

– Вот где жисть-то!..

– Вырасту, тоже в солдаты пойду, – охваченный воинственным задором и ерзя молодцевато по забору, решил Марьин Федька.

– Справа... по три м-а-арш!..

– А к кому, к белым либо красным?..

– Нет, – отрицательно махнул головой Федька, – в кавалерию.

– Дурак ты, – презрительно выругался Димка...

И пустился объяснять неправильность такого подхода к вопросу. Потому что кавалерия тоже разная бывает.

Федька слушал, хлопая глазами, но, кажется, не особенно понял, потому что спросил под конец:

– А везде ли кавалерия на лошадях?

И когда получил ответ, что везде, то проговорил, успокоившись:

– Ну, тогда все равно, хоть в какую...

Головень ходил злой, как черт. Каждый раз, когда через деревеньку проходил красный отряд, он убирался из избы до тех пор, пока отряд не скрывался из глаз. И Димка решил окончательно, что Головень дезертир.

Сегодня бабка послала Димку отнести Головню на сеновал ломоть хлеба и кусок сала. Димка шмыгнул на задний двор и вместо того, чтобы забираться по лестнице, пробрался с другого конца, через выломанную доску возле курятника.

Подползая к укромному логову, он заметил, что Головень что-то мастерит, сидя к нему спиной.

«Винтовка! – удивился Димка, приглядевшись. – Вот так штука!.. Зачем она ему?»

Головень тщательно протер затвор, заткнул канал ствола тряпкой и запрятал винтовку под край крыши в сено.

Подождав с минуту, Димка присвистнул. Ему было видно, как Головень сразу вздрогнул и обернулся с испуганным, тревожным выражением лица.

– Ты что, собака, тут лазишь! – крикнул он, разглядев Димку. И пытливо окинул взглядом, как бы желая угадать: видел что-либо сейчас Димка или нет?

– Бабка прислала, – равнодушно ответил Димка, подавая узелок. И добавил обиженно: – Хлеба с салом. А ты чего еще ругаешься?

Успокоившийся Головень послал его к черту, а так как, по мнению Димки, худшего черта, чем Головень, быть не могло, то он поспешно шмыгнул вниз по лесенке.

* * *

Весь остаток вечера и весь следующий день Димку разбирало острое любопытство посмотреть, что за винтовку принес с собой Головень, – русскую или немецкую, или еще какую? А может, там у него есть наган? При этой мысли у Димки даже дух захватило, потому что к наганам и ко всем носящим наганы он проникался невольным уважением.

И Димка вспомнил, как однажды Яшка Федотов повстречал к ночи священника отца Перламутрия, возвращавшегося из села после свадьбы, и попросил у него одолжить один из свинных окороков. Но батя пришел в величайшее изумление от такой странной просьбы и, сказав Яшке что-то душеспасительное, собрался было ехать дальше. Тогда Яшка-вор сделал попытку овладеть окороком помимо всякого разрешения.

– А, яко тать в нощи на мя дерзаешь! – рассвирепев, взвопил отец Перламутрий. И будучи не обделен от господ дородством и силою, собирался хватить неразумного и заблудшего человека дрючком по голове. Но тут в темноте тихонько – щелк! В следующую же минуту отец Перламутрий, нахлестывая конягу, катил во весь дух, а Яшка-вор с окороком хохотал на дороге. Впоследствии он клялся и божился, что, кроме захлопывающейся медной табакерки, у него ничего не было.

Такова была сила и выразительность металлического нагановского языка в то время.

Неудивительно после этого, что с первой же минуты Димка почувствовал сильное и непреодолимое желание побывать на сеновале.

Как раз к тому времени утихло все кругом. Прогнали красные из волостного села Козолупа и ушли дальше на какой-то фронт. Тихо и безлюдно стало снова в глухой деревеньке, и Головень стал свободно покидать сеновал и исчезать где-то подолгу. И вот как-то под вечер, когда лягушиными песнями запевал порозовевший пруд, когда гибкие ласточки заскользили по воздуху, играя, и когда беспокойно зажужжала мошкара, танцую кучками, заметив, что Головня дома нет, Димка пробрался на задний двор, твердо намереваясь проникнуть на сеновал. Дверка была заперта на замок, но у Димки был свой ход через курятник.

Громко скрипнула отодвигаемая доска, предательски заклокотали потревоженные куры, и, испугавшись произведенного шума, Димка быстро юркнул наверх. На сеновале было полутемно, душно и тихо. Он пробрался в самый конец за поворотом и принялся шарить по селу под крышей.

Через несколько минут тщательного поиска рука его наткнулась на что-то твердое.

«Винтовка, – решил Димка. И подумал с опаской: – Вытащить или нет?..»

Но кругом было спокойно, даже со двора не доносилось никакого шума. Он осторожно потянул за приклад и скоро вытащил всю. Пошарил рукой еще – нашел патронташ с блестящими обоймами. Нагана не нашел.

Винтовка была русская. Димка долго вертел ее, осторожно ощупывая и рассматривая.

«А что, если открыть затвор?» – мелькнула у него мысль.

Сам он никогда не открывал, но видел часто, как это делают солдаты. Тихонько потянул рукоятку вверх – подается, потом отодвинул ее осторожно на себя до отказа.

– Умно! – горделиво оценил Димка. Но тут же заметил под затвором желтоватый, вынырнувший откуда-то патрон.

«Ну, к черту, – подумал Димка, – закрою-ка я обратно». – И он стал толкать рукоятку вперед.

Теперь она пошла уже значительно туже, и, к своему величайшему ужасу, Димка заметил, что желтый патрон движется прямо в канал ствола.

Он остановился в нерешительности и отодвинул даже от себя винтовку: «И куда лезет, черт?»

Однако надо было торопиться. С большой осторожностью закрыв затвор, стал потихоньку толкать винтовку на место. Он затолкал ее почти что всю, как вдруг до его слуха донесся какой-то шум, как будто кто-то лязгнул ключом по замку и негромко кашлянул.

«Головень!» – в страхе подумал оцепеневший Димка.

Дверь скрипнула, распахнулась, и прямо перед ним показалось удивленное и рассерженное лицо Головня.

– Что ты, собака, здесь делаешь? – спросил, не отходя от двери, тот.

– Ничего! – побледнел от испуга Димка. – Я спал... – И незаметно ногой двинул предательски выглядывающий в сене приклад. В ту же минуту, точно тяжелый и внезапный удар по голове, грохнул глухой, но сильный выстрел.

Димка чуть не сшиб Головня с лестницы, бросился прямо сверху на землю и, преследуемый по пятам, пустился через огород, ничего не соображая и не различая.

Перескочив через плетень возле дороги, он оступился в канаву и здорово грохнулся, но, невзирая на боль, вскочил снова и сейчас же почувствовал, что настигнувший его рассвирепевший Головень крепко впился пальцами в рубаху.

«Пропал! – подумал Димка. – Ни мамки, никого – убьет теперь». – И, получив сильный удар, от которого черная полоса поползла в глазах, он упал на землю и съжился, приготовившись получить еще и еще. Но ни другого, ни третьего не последовало. Отчего-то застучала дорога ударами, почему-то разжалась рука Головня, и кто-то крикнул гневно и повелительно:

– Не смей!

Открыв глаза, Димка увидел сначала лошадиные ноги... Целый забор лошадиных ног.

Кто-то сильными руками поднял его за плечи и поставил на землю. Только теперь Димка рассмотрел окружавших его кавалеристов и всадника в черном костюме с красной звездой на груди, перед которым растерянно стоял Головень.

– Не смей! – повторил незнакомец. И, взглянув на заплаканное лицо Димки, добавил мягко: – Не плачь, мальчуган, и не бойся. Больше он не тронет ни сейчас, ни после, – и кивнул головой одному из сопровождающих.

Отряд рысью помчался вперед.

Остался один и спросил строго у Головня:

– Ты кто такой?

– Здешний, – хмуро ответил Головень.

– Почему не в армии?

– Год не вышел.

– Фамилия? – коротко спросил тот. – На обратном пути проверим.

И ударил шпорами кавалерист, – прыгнула лошадь с места в галоп, – и легко умчался вперед.

Убежал с ругательством и Головень, а на дороге остался один недоумевающий и не опомнившийся еще как следует Димка.

Посмотрел он назад – нет никого.

Посмотрел по сторонам – нет Головня.

Посмотрел вперед и увидел, как чернеет точкой и мчится, исчезая у закатистого горизонта, черный незнакомец и его отряд.

II

Высохли на глазах слезы, утихла понемногу боль в спине. Но домой Димка идти еще не решался, – подумал, что нужно обождать до ночи, когда Головень ляжет спать.

Потихоньку направился к речке. Темная и спокойная у берегов под кустами, вода на середине отсвечивала розовым блеском, играла тихими всплесками, перекатываясь через мелкое, каменистое дно.

На том берегу, возле опушки Никольского леса, заблестел тускло огонек костра. Почему-то он показался Димке очень далеким и заманчиво-загадочным. «Кто бы это? – подумал он. – Пастухи разве?.. А может, и бандиты... ужин варят... картошку с салом или еще что такое...»

Ему здорово захотелось есть. И Димка пожалел искренне, что он не бандит.

В сумерках огонек разгорался ярче и ярче, приветливо мигая издалека Димке. И еще глубже хмурился, темнел в сумерках беспокойный Никольский лес.

Спускаясь по тропке, Димка вдруг остановился, услышав что-то интересное. За поворотом, у берега, кто-то пел высоким искусно переливающимся альтом, как-то странно, хотя и красиво разбивая по слогам слова:

Та-ваа-рищи, та-ва-рищи, –
Сказал он им в ответ, –
Да здра-вству-ит Россия!
Да здра-вству-ит Совет...

«А, чтоб тебе! – с невольным восхищением подумал Димка. – Вот наяривает!» – И бегом пустился вниз.

На берегу он увидел невысокого худенького мальчугана, валявшегося возле брошенной на траву небольшой сумки. Заслышав шаги, тот повернулся, оборвал песню и посмотрел с опаской на направляющегося к нему Димку:

– Ты чего?

– Ничего... Так!

– А! – протянул вполне удовлетворенный мальчуган. – Драться не будешь?

– Чего?

– Драться, говорю, а то смотри, я даром что маленький, а так отошью!

Димка, больше чем кто-либо не имевший никакого желания драться, поспешил в этом уверить мальчугана и спросил его в свою очередь:

– Это ты пел?

– Я.

– А ты кто?

– Я – Жиган, – горделиво ответил тот. – Жиган из города, прозвище у меня такое.

Димка с размаху бросился на траву и, заметив, как тот испуганно отодвинулся сразу, ответил, усмехаясь:

– Барахло ты, а не Жиган, разве такие жиганы¹ бывают? А вот поёшь ты здорово...

Жиган хотел было сначала обидеться, но последняя фраза весьма польстила ему, и он самодовольно стал рассказывать Димке:

– Я, брат, всякие знаю. На станциях, по эшелонам завсегда пел. Все равно хуть красным, хуть петлюровцам, хуть кому... Если товарищам, скажем, тогда «Алеша-ша» или «Лазарет».

¹ Устаревшее ныне слово «жиган» означало в то время «вор, налетчик». Но это ничего общего не имело с кличкой Жиган. Гайдар использовал его в повести как один из многих элементов иронии.

Белым, так тут надо другое: «Раньше были денежки, были и бумажки», «Погибла Россия», ну, а потом «Яблочко». Его, конечно, на обе стороны можно, слова только переставлять нужно...

С минуту посидели молча.

– А ты зачем сюда пришел? – спросил с любопытством Димка.

– Крестная у меня тут, бабка Онуфриха, – такая стерва, ешь ее пес. Я пришел, думал отожраться малость, хоть с месяц. Куды там, насилу-насилу в дом-то пустила. «Чтобы, говорит, через неделю и духу твоего тут не было. Какой ты мне, к черту, крестник!..»

И Жиган вздохнул искренне.

Димку с матерью и Топом Головень тоже все время грозился выгнать из дома, а потому он невольно почувствовал некоторую внутреннюю связь между собой и Жиганом и спросил участливо:

– А потом ты куда?

– Куда-нибудь, где лучше.

– А где?

– Кабы знал, тогда что... найти надо.

Стало совсем темно, что-то плеснуло в воде негромко, и затихла речка снова.

– Рыба, – проговорил Жиган.

– Лягва, – отозвался Димка, – рыбы ни черта не осталось. В прошлый месяц солдаты всю бомбами поглушили. Во-о-о какие выплывали!.. У нас тогда двое шуку жарили... Вкусная!

Воспоминание о еде заставило обоих вспомнить о своих пустых желудках. Поднялись и пошли тропкой к огородам. У плетня остановились.

– Приходи завтра к утру на речку, Жиган, – предложил Димка.

– Приду.

– Раков по норьям ловить будем...

– Не врешь?..

– Ей-богу, право!

Весьма довольный Димка перескочил через плетень.

Тихонько пробрался на темный двор, где заметил сидящую на крыльце мать. Он подошел к ней и, осторожно дернув за рукав, сказал серьезно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.